

Наталья Шимонова

**Без ума, без
разума...**

Наталия Шимонова

Без ума, без разума...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23576811

ISBN 9785448398773

Аннотация

Елизавета живет нелюбимой сиротой в доме тётки. Появление богатой двоюродной бабушки – графини Протасовой – вмиг меняет ее положение. Она становится богатой наследницей, на деньги которой многие готовы посягнуть. Нечистая на руку родня хочет избавиться от новоявленной наследницы. Но Лиза обладает решительным и твердым характером, она готова на многое, чтобы спасти собственную жизнь и свободу и обрести запретную любовь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Без ума, без разума...

Наталья Шимонова

© Наталья Шимонова, 2018

ISBN 978-5-4483-9877-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Графиня Елизавета Петровна Протасова, – камер-фрейлина, Ваше Превосходительство, кавалерственная дама и миллионщица, – решила писать завещание. Давно уже пора, заметил ей братец. Шестьдесят девять лет – не шутка. А как дойдет до дележа наследства, так и передерутся родственники. Родни-то много, каждый почитает себя ближайшим, хотя, может, за всю жизнь раза два всего и виделись. Деньги, опять же, каждому нужны... Как же в нынешнем мире да без денег? Братец Петр, которому едва сравнялось пятьдесят четыре, сам человек был богатый, жил, как и Елизавета Петровна, в столице, оттого и был самый близкий и любимый родственник. И племянник, сын Петра, Владимир, которому было только двадцать четыре года, был любимым племянником. Но кроме братца Петра да племянника имелась и еще родня. А как же? Род Протасовых и род Воейковых (Елизавета Петровна урожденная была Воейкова) – старинные, обширные, как не быть большой родне? Потому братец Петр и советовал писать завещание, да не мешкая. Но к делу такому надобно подойти было со всею ответственностью, дабы кого надо оделить и не обидеть, а иных и оставить с носом.

Пока Елизавета Петровна сидит в своем покойном кабинете и рассуждает, кому и как станет завещать она свои сред-

ства, обратимся вкратце к истории ее семейства.

Отец Елизаветы Петровны, дворянин Петр Игнатьевич Воейков, в 1748 году женился на дворянке же Анне Столбовой, дочери полного генерала от инфантерии. Детей они прижили троих: старшую дочь Елизавету, как раз именно ту, что намеревалась нынче писать завещание, другую дочь – Анну, и младшего сына – Петра. Старый Воейков был человек богатый, владел более чем двумя тысячами душ, доход имел огромный, земли выслужил от казны немалые. Да и за женой взял сто тысяч приданого и пятьсот душ с деревеньками. Чин на себе Петр Игнатьевич имел гофмаршальский и жизнь свою провёл при дворе.

Служа, Петр Игнатьевич выдал дочерей своих замуж. Старшую – Елизавету, которой тогда сравнялось двадцать девять лет, служившую фрейлиной императрицы, за графа Протасова, генерал-майора с тремястами тысячами дохода и богатыми именьями в Полтавской губернии. А меньшую шестнадцатилетнюю Анну – за Григория Олсуфьева, потомка старинного рода дворянского, в свои восемнадцать лет имевшего уж чин коллежского секретаря.

Каждой дочери Петр Игнатьевич определил богатое тысячное приданое, однако большую часть состояния, как и водится, закрепил за сыном Петром.

Сын этот – Петр Петрович – дослужился до статского советника, ибо к чинам никогда не стремился и карьер делать не желал и в отставку вышел довольно рано. Женился он

на небогатой дворянке Дарье Матвеевне Буниной, с которой в мире и согласии жил до сей поры. Вообще, Петр Петрович был человек состоятельный и предобрый, каким сделался и сын его – Владимир.

У самой графини Елизаветы Петровны детей не было. А вот у сестры ее Анны были дочь и сын, Ксения и Павел, который был младше своей сестры на восемь лет.

Ксения была смолоду девицей важной и заносчивой. Мужа ей нашли под стать – князя Александра Вяземского, человека богатого, рода знатного. Блестящая жизнь, что вели супруги, быстро разорила их, ибо гонору им было не занимать стать, а вот как состояние свое приумножить, ни Ксения, ни Александр не разумели. Прижили они троих детей – сына Евгения, которому теперь было уж двадцать три года, да дочерей Анну и Юлию, которые обе были моложе брата. Семейство Вяземских принуждено было покинуть столицу еще лет пятнадцать тому назад и обосноваться в провинции. В деревню ехать им не хотелось, и они положили, что лучше жить в провинциальном, но городе, чем хотя и в собственной, но деревне.

Брат Ксении Павел был человек совсем другого склада. Романтический, порывистый, с сестрой он не дружил. Ксения не могла простить брату его слишком пренебрежительного отношения к той вещи, к которой сама относилась весьма трепетно, а именно к чести дворянской, или, лучше сказать, к дворянской спеси и гонорливости.

Шестнадцать лет Павел поступил в гвардию, быстро получил чин корнета и отправлен был служить в Польшу. Там, едва исполнился ему двадцать один год, он влюбился в местную красавицу Марию Вежховскую, женился на ней и вернулся домой уже с семьей: с женой и дочерью Лизой. Мария была бедна, приданого никакого не имела, и явление блудного сына с семейством произвело род удара на фамилию Олсуфьевых. Мария, жена Павла, вскоре умерла. Со смертью ее Павел захирел, вышел в отставку из военной службы. Следуя уговорам родни пошел служить в службу статскую, но жизнь его, увы, продлилась недолго. И он также умер, оставив круглой сиротой шестилетнюю Лизу на руках её тётки Ксении, так и не простившей брата за его мезальянс.

Маленькая Лиза оказалась в доме тетки своей – Ксении, под опекой ее супруга князя Александра. Все то состояние, что было оставлено маленькой Лизе, оказалось во власти ее опекунов. Деньги сироты быстро растаяли в тратах Вяземских, и Лиза оказалась полнейшей бесприданницей. Она росла в зависимом положении и с детства ей внушаема была мысль о том, что живет она из милости у своей родни. Лиза даже и не подозревала, что ее родственники по злобе и по глупости своей лишили ее законно принадлежавшего ей, хоть и небольшого, но состояния.

Но мы мало еще упомянули о молодых людях, меж которыми старуха и намеревалась большею частью поделить свои деньги. Молодой князь Евгений Вяземский служил по стат-

ской части и имел перед собой немалые перспективы в своем уезде, благодаря громкому имени своего отца. Собою он был весьма красив и представал перед уездными девицами романтическим героем. Сёстры его искали женихов и уповали на состояние двоюродной их бабки, ибо собственное их приданое было весьма мало. Дядя их Владимир, наследник имени Воейковых, который по возрасту был старше Евгения всего на два года, служил в гвардии, но намеревался выйти в отставку, ибо идеалом своим почитал собственного отца. А тот не имел иной мечты, как только вести частную жизнь, что и воплотил собственным примером. Владимир намеревался последовать в скором времени батюшкиному примеру, а пока служил, и служил примерно. Среди начальства своего в полку был на хорошем счету, приятелей у него водилось множество, тетка-княгиня обожала его и зазывала к себе на вечера, которые устраивала довольно часто. Все вокруг полагали, что помимо отцовского состояния он унаследует и состояние графини Елизаветы Петровны Протасовой и маменьки так и вились вокруг Владимира, как вокруг желанного жениха. Но Елизавета Петровна намеревалась миллионное состояние свое поделить между родней. Для того хотела она посетить родственное ей княжеское семейство, чтоб лично составить себе представление об их положении. Они писали, что дела их расстроены, выказывали себя примерной родней и всячески ласкались к старухе. Но то все были письма. Елизавета Петровна, женщина умная и хитрая, мно-

го повидавшая на своем веку, мало верила письмам и лести. Ей хотелось лично взглянуть на родственное семейство и понять, достойны ли они ее денег, как она сама любила выражаться.

Итак, вот каково было семейство Елизаветы Петровны, для которого намеревалась она составить завещание.

Глава 2

Княжеский дом располагался на краю города К. Среди прочих домов, дом Вяземских был наиболее роскошным и видным. Он был построен в три этажа, с флигелями, с парком и садом. Помещался дом над рекою, и вид, открывавшийся из него, был прекраснейший. Недалеко от сей городской усадьбы располагался храм Успения Пресвятой Богородицы, выстроенный совершенно во вкусе классицизма, с колоннами и портиком, монументальный и величественный. Все княжеское семейство по воскресным дням торжественным выходом шло в него молиться, чинно, друг за другом, подавая пример прочим. Но Лиза не любила этой помпезности. Величественный храм, прекрасный сам по себе, вызывал скорее желание разглядывать его и восхищаться гармонией линий, изяществом постройки, росписью, заказанной лучшим мастерам. Но молиться... Молиться она ходила в полном одиночестве в небольшой храм Живоначальной Троицы, который прозывали здесь еще храмом Николая Ратного из-за того, что то был полковой храм расквартированного здесь N-ского уланского полка. Храм этот, небольшой, в старинном духе, находился в самом странном месте. Он вовсе не был заметен с дороги, и человеку приезжему найти его было бы невозможно. Он прятался в стороне, среди небольших домов и деревьев, на одной из плоских площа-

док, столь редких в городе К., расположенном большею частью на холмах.

Для посещения Лиза старалась выбирать те моменты, в которые храм пустовал. Господ офицеров нельзя было подозревать в особой набожности, поэтому такое случалось довольно часто. А в воскресные дни, когда молебен свершался в обязательном порядке для всех полковых, Лиза бывала в Успенском соборе.

На эту ее причуду в доме смотрели косо, подозревая, верно, в каком-то тайном умысле. Но почему-то Лизе не запрещали молиться там, где ей хотелось. Бедная воспитанница, она имела так мало прав и при ее характере, решительном и сильном, ей так тяжело было это ограничение. Как бы ей хотелось, подобно кузинам, иметь богатые наряды, ездить на балы, пользоваться всеобщим восхищением. Тем более, что кто-кто, а Лиза более всех в этом доме достойна была восхищения. И не только красотой, которой она превосходила сестер, но и добрым нравом, которым им с ней было не равняться, и разумностью.

Лиза была убеждена, что красива она в мать. Почему ее мать была красива? Откуда она это знала? Уж конечно, не из хвалебных слов тетки. Но из теткинских обвинений ее отца в неразумности, в том, что пошел он на мезальянс и потому-то теперь она – Лиза – живет из милости у родных, как неоднократно и с ядом говаривала Ксения Григорьевна. Случилось бы такое, если бы мать ее не была красавицей,

если бы отец не полюбил ее безумно?... Нет. И Лиза в самые тяжкие моменты бывала этим счастлива, не смотря ни на что! Не смотря ни на какие заявления княгини, не любившей ее исключительно. Другие члены семьи относились к девушке по-разному. Князь был к ней безразличен, надо отдать ему должное. Зла открытого он не делал, ему было все равно: есть ли здесь Лиза, нет ли ее. Кузены старались также демонстрировать свое безразличие, но им это скверно удавалось. Кузины завидовали ее красоте, которую не мог скрыть даже самый дурной наряд. Кузен же не мог порою пересилить собственной зловредности. А Лиза...

Лиза точно знала, что это все не будет продолжаться вечно и с нетерпением, как и прочие, ждала приезда двоюродной бабушки – графини Протасовой. На нее была у Лизы вся надежда!

– Тетушка! Дорогая! – Ксения Григорьевна ринулась навстречу желанной гостье со всем пылом, на который была способна.

– Ну-ну! – осадил племянницу старая графиня. – Будет! Что за страсти? Здравствуй, князь, – кивнула она Вяземскому.

Елизавета Петровна преспокойно прошла в комнаты и уселась в кресла, оглядывая все родню, почтительно выстроившуюся перед ней.

– Так... Вижу, вижу... Ослуфьевская порода да Вязем-

ская... Ничего от нас, от Воейковых... Впрочем... Ксения, показывай-ка мне своих детей, а то я не пойму, кто тут кто... – графиня величественно кивнула Ксении Григорьевне, как бы дав повеление говорить теперь.

Княгиня оглядела детей и, повернувшись к тетке, сказала.

– Позвольте, тетушка, представить вам сына моего Евгения...

При этих словах молодой человек, имя которого только что назвали, вышел вперед и поклонился старухе. При этом лицо его сохранило обычное свое надменное выражение.

– Что это, батюшка мой, ты так смотришь на меня? – вдруг спросила его графиня. – Чем я тебе не угодила, племянник? Право, ты будто таракана увидел, или что похуже, а не свою бабу!

– Тетушка! – воскликнула шокированная Ксения Григорьевна. – Да что вы говорите!

– Право, сударыня, я вовсе ничего такого не хотел... – пробормотал смутившийся Евгений.

– Ну, то-то... Такое выражение лица побереги для иных случаев, для гостиных, да для барышень... А это кто у нас? – графиня перевела взгляд свой на девиц.

– Это дочери мои – Анна и Юлия, – ответила княгиня.

Девицы присели в реверансе перед бабушкой.

– Хорошие девушки... Имя «Юлия» нынче в моде, я погляжу... А тут кто?

Взгляд Елизаветы Петровны упал на Лизу, стоявшую, как

обычно, поодаль от кузенов. Увидев направленный на нее взгляд старой графини, Лиза вышла вперед и, улыбнувшись, прямо посмотрела в ответ.

– Это моя племянница и воспитанница, Елизавета, дочь брата моего Павла. Сирота, – сказала Ксения Григорьевна.

– Так ты сироту пригрела? – повернулась к ней графиня. – Однако, что она у тебя так дурно одета? Что ж ты... Дело доброе делаешь, да о такой важной вещи не позаботилась. Для молодой девицы самое важное – приличное платье... Ты, чай, выводишь ее со своими дочерьми?

– Тетушка, я... – княгиня замялась. – Лиза еще очень молода...

Елизавета Петровна повернулась к девушке:

– Подойди ко мне.

Лиза подошла к протянутой руке и поцеловала ее. Тут же она была допущена и к щеке бабкиной, и Елизавета Петровна сразу усадила ее рядом с собой.

– Твои кузены, право, весьма аристократичны. Признаться, и в столичных гостиных я не видала ни у кого таких высокомерных и скучающих лиц, хотя подобные выражения нынче в моде. Ответь, дитя, сколько тебе лет?

– Девятнадцать, сударыня...

– Называй меня бабушкой, Лиза... Стало быть, девятнадцать? А вот тетка твоя говорит, что ты еще слишком молода, чтоб думать о выездах да замужестве. По мне, признаться, так самый возраст! Я сама, правда, замуж пошла когда

мне уж двадцать девять сравнялось... Но к чему же тебе тянуть? Или ты сама против?

– Я не думала об этом, бабушка, – ответила Лиза.

– Но ты выезжаешь?

– Нет.

– Странно... Ксения, скажи мне, отчего ты не вывозишь в свет свою племянницу?

– Но она сама не изъявляла такого желания, – замявшись, ответила княгиня.

– Молодые девицы довольно часто боятся света... Дело их родителей и опекунов подготовить своих чад к широкой дороге, затем вывозить и сыскать им достойные партии. Но я посмотрю, ты и одета дурно... Что же, ты сама выбираешь себе платье?

Лиза замялась и ничего не ответила. Конечно, нарядами ее занималась тетка. Но той жалко было тратить средства на платья бедной племянницы в ущерб собственным дочерям. Довольно обычная история.

– У тебя от отца какое состояние осталось? – продолжала меж тем старая графиня.

– Тетушка, Павел ничего не оставил дочери. То есть... Была некоторая сумма, – быстро говорила Ксения Григорьевна, – но она уже вся вышла... На содержание Елизаветы ушли все средства ее отца...

– Так, – сказала графиня. – Дело ясное. Я теперь желаю отдохнуть, – заявила она безо всякого перехода. – Все сту-

пайте прочь, а ты, Лиза, проводи меня в комнату, которую для меня приготовили. И надо же какое совпадение, – продолжала старуха, – что ты моя тезка!

Глава 3

– Да, Ксения, – графиня с племянницей сидели в саду и вели неприятный разговор, – никак я не ожидала от тебя такого... Ты хочешь, чтобы я заботилась о тебе и твоём семействе, но какой же ты пример сама мне подаешь? Я всего-навсего тетка тебе, сестра твоей матери, какое же у тебя исключительное перед другой родней право претендовать на мои деньги?

– Но, тетушка... Какие деньги... – княгиня неловко развела руками.

– Эх, мать моя! – с укоризной покачала головой старуха. – Вижу, всё вижу! Стара уж для лицемерства! А ты покрасней, покрасней... В этом зазорного ничего нет...

Щёки старухиной племянницы покрылись краской, а Елизавета Петровна продолжила.

– Брат Петр и его сын Владимир мне так же родня, как и вы... Но ты хочешь, чтобы я отдала предпочтение твоему семейству. Однако сама ты о своей племяннице, дочери твоего родно брата, нимало не заботишься! Как прикажешь это понимать? Разве девочка тебе не родня? Разве не должна ты ей ровно столько же, сколько и родным детям?

– Но она только племянница мне! – воскликнула Ксения Григорьевна.

– Так же, как и ты мне, дорогая Ксения. Однако от меня

ты требуешь таких забот, как если бы ты была мне родной дочерью! Странно... Ты противоречишь сама себе, моя милая...

– Ах, тетушка, ну войдите же в мое положение! Брат оставил слишком мало денег на содержание дочери... У меня у самой трое детей! Мы ведем жизнь, конечно, широкую, но мы и должны так жить! Наше положение налагает определенные обязательства на все семейство! Увы, мы разорены...

– Вы были разорены потому, что не умели рассчитывать своих средств! – воскликнула графиня. – Впрочем, это нынче беда общая, – она махнула рукою.

– Вам легко рассуждать, тетушка, у вас не было детей. Вы не знаете, что надобно своему сыну дать положение в обществе, доставить ему место, которое будет его достойно. Что дочерей надобно выдать замуж...

– Дорогая моя! – оборвала ее Елизавета Петровна. – Как раз все эти расчеты мне очень хорошо знакомы. Я живу не в пустыне, а в свете, и прекрасно знаю чего требуют дети. Но я никогда не делала различий меж своими и чужими, и всегда равно помогала всем, кому могла. К тому же, взять, к примеру, другого моего племянника – Владимира. Ему никто не «доставал места», как ты говоришь. Он сам своею волею, своими талантами поступил на военную службу и, должна тебе заметить, отличился на ней в лучшую сторону, добавив славы нашему имени! Он лишь на два года старше твоего Евгения, а уж в чине подполковника... А на-

чинал простым поручиком, как и прочие. Был на войне, имеет ордена, был ранен! – графиня разошлась не на шутку. Племянника она обожала и не знала, какими еще словами подчеркнуть его достоинства.

– Тетушка, но два года разница существенная! В двенадцатом году Владимиру было уж семнадцать лет, а Евгению? Всего пятнадцать! Куда бы, на какую войну он отправился?

– Ксения, да я не о том! – сказала графиня. – Не важно, служил твой сын, нет ли... Дело в том, как нынче он может применить свои силы. Ему теперь сколько лет – двадцать три? Что же он? Служит?

Да, – ответила Ксения Григорьевна, – по статской линии идет. Тут, конечно, не столица, но перспективы у него немалые, все же наше положение здесь, в К., весьма и весьма существенно.

– Вот, а ты говоришь, нету средств!

– Средства есть, но слишком скудные, не к нашему положению!

– Ксения, довольно. Я все поняла, – Елизавета Петровна поднялась, – я теперь хочу прогуляться, а насчет моего завещания я уж знаю, что напишу. Дождитесь лишь моей смерти, и вы тоже все узнаете...

– Тетушка! – в притворной заботе воскликнула княгиня. – Зачем такие мысли!

– Ну, будет... А то я не знаю для какой нужды приехала... Завещание, смерть... Дела житейские. Кликни мне Ли-

зу, я хочу с нею прогуляться. Очень мне по сердцу пришлась эта девочка. Что касается же средств, – внезапно продолжила старуха, – то я теперь же выделю вам некоторую сумму, чтоб вы не с таким нетерпением ждали моей кончины.

Старая графиня прогулялась по саду в обществе Лизы, как и намеревалась, а потом отпустила девушку, которую самым подробным образом расспросила о ее родителях, особенно об отце, которого сама графиня помнила совсем маленьким мальчиком; расспросила и о жизни в доме тетки. Лиза не жаловалась, она по характеру вообще склонна была все воспринимать легко, но весь ее вид и манера держаться говорили об ее подчиненном положении в доме Вяземских. Затем Елизавета Петровна расположилась отдохнуть в маленькой гостиной на первом этаже и невольно сделалась свидетельницей одного разговора, который повернул всю эту историю совершенно не так, как даже сама графиня предполагала в начале.

Молодые княжны Вяземские сидели за рукоделием по соседству с той комнатой, в которой была Елизавета Петровна. Они сидели несколько поодаль друг от друга, каждая у широкого окна, склонившись над вышиванием и небольшими, но богато инкрустированными столиками, в которых лежали нитки, иголки, ножницы, цветные лоскуты и все то, что необходимо для женской работы.

– Право, Юля, какая злая эта наша бабка! Сущяя ведьма! – начала разговор старшая сестра.

– Молчи, Аннета, не то нам влетит, – отвечала ей младшая.

– Ну что? Что такого? Ты же слышала, как татап о ней говорила? А что сказала папенька? Неужели не слыхала? Мне казалось, мы вдвоем подслушивали...

– Ах, Аня! Я же сказала, молчи! – сказала вновь младшая.

Младшая их сестер, несомненно, была разумнее старшей. Это обстоятельство с некоторым удовольствием и отметила Елизавета Петровна, слышавшая каждое слово, произнесенное княжнами.

– Евгений бы со мной согласился, – заявила княжна Анна.

– Да уж я знаю. Что-то вы с ним так спелись в последнее время, – язвительно заметила Юлия.

– Мы с ним ближе возрастом, вот и все, – ответила Анна. – Ему со мною говорить интереснее, чем с тобой.

– Какие новости! Всем и так уж известно, что еще год-два, и ты станешь настоящей старой девой. Нашла чем гордиться!

– А ты года через четыре станешь такую же старой девой, как и я!

– Дурочка! Разве я нам этого желаю? – сказала Юлия. – Зря ты только так близка с Евгением. Он хотя нам и брат, а надобно будет, так пустит нас побоку, и все. Мы должны старухе угодить. А он пусть как знает! Ему что терять? Он нынче на службе. Там, глядишь, сделает карьер. Губернатор-

ская дочка с него глаз не сводит и, ежели нужда станет, он женится на ней и возьмет приданого тысяч сто. А мы? Как денег нет, так и кончено. Ни женихов, ничего! Думаешь, станет нам братец помогать? Да никогда. Дай Бог, если только на содержание возьмет. И будем мы у него в доме приживалками.

– Ужас какой ты говоришь, Юля!

– Правду я говорю... Ты старуху не брани. Через нее нам счастье может быть. Деньги ее – женихи наши. Ты что думаешь, помещик Афанасьев за тобой ездит от большой любви?

– А разве нет? Разве я уж так собой нехороша? – обиделась старшая княжна.

– Да не в том дело, Аня! Ты-то хороша. Да только много ли проку от твоей красоты, да от громкого имени? У господина Афанасьева поместье небольшое, долги имеются, я слыхала, как о том промеж себя матушка с батюшкой говорили. Они бы тебя, конечно, за него с превеликим удовольствием отдали. Да только ему за тобою приданое надобно. Ежели денег достаточно дадут, то он свое имение поправит, да и тебе только польза при таком обороте. А если нет? Даже когда он женится на тебе, а денег у вас не будет, то охота ли тебе самой в нищете жить?

– Нет, сестрица...

– Ну, так и вот! – Юлия даже отложила рукоделие в сторону. – Ежели старая графиня составит завещание в нашу пользу, то мы мало что ни от кого не будем зависеть, но еще

и в столицу поедем и там женихов себе сыщем! Одно только меня беспокоит...

– Что, сестрица?

– То, что деньги наши окажутся в родительских руках.

– Да разве родители нам враги? – изумилась Анна.

– Нет, но... Матушка, конечно, все для нас, но папенька...

Ты помнишь, что он сделал с Лизиным состоянием? Не такое оно и маленькое было, как они графине говорили. Когда бы папенька его не спустил, то Елизавета теперь была бы завидная невеста. Она, конечно, отчета не потребует, да и если потребует... Что теперь-то, когда денег нет... Но дело дурное...

– Так это Лизины деньги, не наши! Что ему до нее – племянница, да и все. А мы родные дочери! Неужели он нас посмеет обделить?

– При папенькиной страсти к игре с него станется.

– Брось, Юля, татап не допустит.

– Хорошо, коли так, – и обе барышни, замолчав, принялись за рукоделие.

– Вот, значит, какие тут дела да расчеты, – пробормотала Елизавета Петровна себе под нос – Благодарю, княжны, за рассказ...

Глава 4

Старая графиня сдержала слово. Отбыв из К. и вернувшись домой, она тут же выслала Ксении Григорьевне довольно большую сумму денег. Написала она и письмо племяннице, в котором особым образом оговорила, что желала бы, чтоб деньги эти были закреплены за молодыми княжнами. И даже скоро получила ответ от княгини, в котором та благодарила тетушку и сообщала, что княжна Анна уже помолвлена с тем самым господином Афанасьевым, о котором барышни упоминали в своем разговоре, которому была невольною свидетельницею Елизавета Петровна. Но после уж старуха писем не писала и денег не слала, а на это, признаться, Вяземские весьма надеялись.

Более всего старая графиня сожалела, что не смогла взять с собою в Петербург Лизу, Елизавету Павловну, как она о ней говорила в беседе с братцем и племянником Владимиром. Едва вернувшись из К., графиня призвала Воейковых, – Петра, Дарью и их сына, – к себе, для подробного рассказа о своей поездке. В красках передала она положение семейства, их надежды, описала молодых людей и свои собственные от поездки впечатления.

– Что ж, – сказал брат Петр, – если они так нуждаются, грех будет тебе им не оставить по завещанию солидной суммы.

– Позволь, Петр, не такие они люди, чтоб мне хотелось сделать им приятное. Кроме того, этим я могу обидеть твоего сына, – с такими словами графиня с ласковостию посмотрела племянника.

– Тетушка! – воскликнул Владимир. – Упаси Боже! Никакой обиды! Я человек не нищий, папенька, надеюсь, имения не промотает и меня не обделит, – улыбнувшись, – Владимир посмотрел на отца.

– Право, сестрица, – в беседу вступила кроткая Дарья Матвеевна, – Владимир вовсе не обделен ни деньгами, ни вниманием вашим...

– Ах, Дарья! – оборвала ее графиня. – Я все ж сама хочу решить как мне распорядиться своими деньгами! А кроме того... Я случаем узнала, что князь Александр промотал состояние Елизаветы Павловны, своей сироты-племянницы. И он тщательно скрывает это. Мне кажется это весьма дурным поступком. Растратил уж чужие деньги, да теперь еще чьи-нибудь ждет, чтоб растратить...

– Так оно обычно и бывает, – заметил Петр. – Что же, князь игрок?

– Игрок, увы.

– Но кто нынче не играет? Такова мода!

– Играй, да дело знай! – возразила Елизавета Петровна. – Меру соблюдать надобно. Да и чужим не рисковать тоже хорошо бы. Мало что чужим состоянием, но он рискует чужим счастьем! Добро бы только племянница, хотя и это дурно,

но он таким же случаем и родных детей без всего оставит. К тому же я свое состояние наживала не для того, чтоб в один прекрасный день князь Вяземский, который мне седьмая вода на киселе, его проматывал.

– Рисковать состоянием чужого, но доверенного тебе лица, гораздо хуже, чем рисковать состоянием собственных детей, – тихо заметила Дарья Матвеевна.

– Верно! – оборотилась к ней графиня. – Как верно ты сказала!

– Признайся, сестра, что ты уже все придумала и решила, – сказал Петр.

– Да, брат, именно так. Кроме того, повторю вновь, мне чрезвычайно жаль, что Елизавету Павловну я с собою взять не смогла.

– Странно, тетушка, что вы так ее зовете: «Елизавета Павловна». Сколько ей лет, я все хочу спросить? – произнес Владимир.

– Девятнадцать, мой дорогой. А называю я ее так оттого, что мне так хочется.

– Достойнейший ответ, тетушка. И вполне в вашем духе. Впрочем, вы с нею тезки и она, весьма возможно, похожа на вас? – спросил Владимир. – Я слышал, что имена сообщают своим владельцам определенные качества и все Елизаветы отчасти похожи, так же, как и все Владимиры, Дарьи, Петры и так далее, – заключил молодой человек.

– Весьма и весьма возможно, – рассмеялась графиня. –

Скажу только то, что эта молодая особа мне очень пришлась по душе!

– Кем она мне приходится, дорогая тетушка?

– Тебе?... – задумавшись, графиня посмотрела на племянника. – Да, пожалуй, троюродной племянницей. Впрочем, как и все Вяземские. Только ее фамилия Олсуфьева, ведь она дочь брата Ксении, а Ксения – урожденная Олсуфьева.

– Но расскажите же о ней подробнее! – попросила Дарья Матвеевна. – Вы так прониклись к ней... Она, должно быть, очень хорошая девушка.

Дарья Матвеевна, со всей своей добротой, со всем участием желала выслушать этот рассказ и, поелику будет возможно сие, помочь бедной сироте.

– Что же... – начала графиня. – Мать ее полячка, роду дворянского, но захудалого. Как мне известно, она была уже вдовой, когда повстречала нашего Павла. За ним прожила она недолго, здоровья была слабого. Но, говорят, была исключительно хороша собой, бедняжка. Сама же Елизавета девушка воспитанная, милая, но характера весьма живого!

– Вот как, – заметил Владимир. – И тем должно быть, вас и привлекла.

– Да, дорогой племянник, верно. Я люблю, когда живость характера сказывается явно, а не прячется втуне. Мне кажется, что такой человек виднее со стороны и от него не приходится ждать подвоха. В отличие от всяческих тихонь, кото-

рые – глядишь – тише воды, ниже травы, а как до дела дойдешь, то и берегись! Ожжешься!

– Но что же еще вы можете про нее сказать? – спросила Дарья Матвеевна.

– То еще могу сказать, что девушка она добрая, слова дурного не сказала ни про тетку, ни про своих кузенов-княжат, хотя они довольно испытывают ее терпение. А Ксения меня, право, разочаровала! Так относиться к сироте! Ни приличного наряда, ни развлечений, ничего! Однако замечу: мне показалось, что она легко мирится со своим положением.

– Вот как? – удивился Петр Петрович. – Она такая смиренница?

– Ну уж нет! Так бы я никогда не сказала. Ни смиренница, и ничего такого в ней нет. Но она не помнит зло, как мне показалось. А вот к добру очень чувствительна. Все что вокруг дурного она старается не замечать, или делать, что ли, вид, что не замечает...

– Мечтательница, верно, – опять сказал Петр Петрович.

– Может и так, но я не заметила. Кроме того, все они меня боялись, – при этих словах графиня улыбнулась с каким-то удовлетворением. – Боялись, как бы я не разозлилась, как бы подумала чего и не лишила их своей благосклонности. А Елизавета... Вот уж в ком страха-то не было! И как она подойдет, возьмет за руку, скажет: «пойдемте, бабушка, гулять», так я и размякну... Очень я ее полюбила, как родную дочь. Могла бы, так с собой взяла. А знала бы о ней, так

раньше бы туда поехала, но...

– А не кажется ли вам, сестрица, что она, может быть, рассчитывала тоже на ваши деньги, только решила рискнуть и по-другому на вас воздействовать? – спросила Дарья Матвеевна.

– Не кажется, Дарья! Ты всех обстоятельств не знаешь, а я знаю. Она убеждена, что уж кому-кому, а ей моих денег не видать. Она даже мысли в голове не держит, что я могу ей что-либо оставить по завещанию! Я слышала как-то их разговор с Ксенией и могу вас уверить, бедная девочка ни на что не рассчитывает. А уж после того, как я уехала... Она бы могла рассчитывать, что я увезу ее с собой, но я этого не сделала. Она плакала при расставании и очень сердечно простилась со мною. В отличие от прочих!

– Какой милый портрет, – сказал Владимир. – Жаль, что нельзя во всем убедиться лично. Впрочем, если вы так расположены к Елизавете Павловне, а вы в людях разбираетесь довольно, ни разу я не видел, чтобы вы, тетушка, ошиблись, то и мы должны к ней расположиться.

– Вот ответ, достойный моего племянника! – заявила графиня. – А теперь хватит этих разговоров. Я желаю пить чай.

Графиня прозвонила в колокольчик, слуги внесли приборы, расписной чайник, пыхтящий самовар, из которого – и только из него! – постоянно пила чай графиня, сладости и прочее, и тут же все маленькое общество приступило к чаепитию.

В К. в то же самое время происходило следующее. Княжеское семейство, пополнившееся женихом старшей дочери, также приступило к чаепитию. За столом хозяйничала Анна, которой надобно было показать свое умение вести стол жениху. Она и господин Афанасьев были исключительно веселы и счастливы, ибо их мечты неожиданно скоро сбылись. Прочие же сидели отчасти с равнодушными, а отчасти с недовольными лицами. Деньги, переданные в качества приданого Анне, каждый бы с удовольствием пустил на личные цели, но приказ графини был такого свойства, что послушаться его было невозможно. Все боялись потерять ее благосклонность и лишиться еще большего куша, на который все рассчитывали. Но как знать, сколько еще ждать? Быть может, старуха умрет завтра, а может статься и так, что проживет еще с десяток лет.

– Старая ведьма... – пробормотал Евгений.

Накануне у них с отцом вышел спор из-за денег. Молодой человек требовал, чтобы ему выделили некоторую сумму из средств, присланных графиней, но отец отказал ему наотрез. Собственно, он бы не был так решителен с сыном, если бы не Ксения Григорьевна, которая категорически запретила даже и думать о том, чтобы покуситься на деньги, присланные ее дочерям. Конечно, княгиня обожала сына, но она пуще всех боялась послушаться тетку. И ведь это была именно ее тетка, а не родственница ее супруга. Стало быть, ре-

шать, как поступать, именно ей. В завершение скандала Евгений пожелал графине скорейшей кончины, на что Лиза, которой, как и княжнам, случилось присутствовать при всем этом, бурно возразила:

– Как тебе не совестно, братец! Бабушка была к нам так добра!

– Молчи! – резко прервал ее Евгений. – Не тебе меня учить, приживалка! И не смей называть меня братом! Ты все время крутилась возле старухи, думаешь, тебе что-нибудь достанется? Да как бы не так... Эта старая ведьма нам, только нам должна!

– Мне не нужны бабушкины деньги! – в запальчивости заметила Лиза. – И я не желаю ей смерти. Я желаю, чтобы она долго жила и чтобы вернулась сюда!

– Думаешь, она тебя с собой заберет? – вставила свое слово княжна Юлия. – Не заберет. В этот же раз не забрала? И в другой не заберет...

Лиза, побледнев, вскочила и выбежала из комнаты. Кухиня напала на ее самое больное место. Лиза, конечно, не рассчитывала на эти чужие, как ей казалось, деньги. Но она так надеялась, что, быть может, бабушка заберет ее с собой! Она так хотела ей понравиться, чтобы, наконец, избавиться от этого семейства, от этих людей, которые родными были только по названию, но терпеть ее не могли. А графиня... Лизе казалось, что она понравилась бабушке, а бабушка очень, очень понравилась ей самой! Вот бы жить в ее доме, рядом

с человеком, который был так участлив к ней, так заботливо к ней отнесся!

– Кроме того, ты ей никто, запомни это! – вдруг прибавил кузине вдогонку Евгений.

– Отчего же никто? Она дочь моего брата, – сухо заметила княгиня Ксения Григорьевна. – И имеет ровно столько же прав на наследство графини Елизаветы Петровны, как и мы все.

– Маменька! – взорвался Евгений. – Не говорите глупостей! С какой же стати ей быть наследницей?

– Тут в другое дело, сынок, – столь же спокойно ответствовала княгиня. – Опекунами ее денег будем мы с князем.

Евгений молча посмотрел на мать. До него скоро дошел весь гениальный замысел родительницы.

– В таком случае, – тихо пробормотал он, – конечно, она нам родня и родня близкая...

– Ах, да оставьте же! – раздался возглас.

Это вдруг заговорил сам князь. Он досадливо морщился, ибо сей разговор был ему более чем неприятен.

– Опекуну, значит опекуну! Чужие деньги – не свой карман, что тут рассуждать!

– А раньше вы, князь, думали иначе, если помните, – ответила ему супруга.

– Ксения! – рассердился Александр Петрович. – Сейчас не место для подобных заявлений!

– Хорошо. Поговорим после. Теперь окончим этот денеж-

ный разговор.

Никто и не заметил, как Лиза тенью скользнула от двери, за которой проходило совещание. Выбежав из комнаты, она вовсе не ушла. Девушка была не в состоянии идти. Она при-слонилась к двери комнаты с обратной стороны, едва сдерживая слезы, и то, что она услышала... Девушка поняла, что буде паче чаяния ей бабушка подарит деньги, или оставит по завещанию, она их не увидит... Последнее замечание княгини о том, что князь уже растратил какие-то деньги не навело ее ни на какие особые мысли. Она лишь поняла, что доверять ни ему, ни тетушке, ни кузенам нельзя и если что... Если что у нее одна надежда – на самое себя...

Глава 5

– Подслушиваешь? – Евгений подкрался незаметно, как он всегда это проделывал.

Лиза подпрыгнула от неожиданности.

– Вовсе нет! – возразила она.

– Ну я же вижу... – протянул молодой человек.

Как неладно, что он застал ее тут! И как только ему удалось проскользнуть сюда так незаметно... Ведь он был в комнате вместе со всеми!

– Я вот что думаю, – меж тем продолжал Евгений. – Все-таки бабка вполне может оставить тебе деньги... Ты явно ей понравилась, – он нагло уставился на нее. – Сиротка, бедняжка... Воспитанница... Домашняя мученица! Удивительно, но некоторым это нравится! Вызывает сочувствие, желание помочь...

– Это когда человек добр, вероятно... – вдруг сказала Лиза.

– Добр? Вот как? Мы, стало быть, все недобрые, а бабка – добрая? Так... Вот она, благодарность, – он не сводил с Лизы глаз. – Впрочем, ты еще и красива, тут уж ничего не попишешь... Может, этим ты ей глянулась? Сестрицы-то мои те еще курицы...

– Перестань! Сейчас же перестань! – девушка больше всего на свете желала, чтобы кузен замолчал и оставил ее в по-

кое. – Дай мне пройти!

– Ну уж нет... – при этих словах Евгений схватил ее за руку. – Если бабка оставит тебе деньги, то...

– Что – «то»? Пусти меня! – Лиза даже испугалась.

Кузен и раньше, бывало, позволял себе говорить разные гадости, но рук до сей поры он не распускал.

– Жаль, что мы с тобой родня, – промолвил он. – А то я бы на тебе женился. Ну, разумеется, в том случае, если старая графиня оставила бы тебе порядочно денег... Мне нужна богатая жена!

– Женился! – возмутилась Елизавета. – Да я бы не пошла!

– Кто бы у тебя спрашивать-то стал? – рассмеялся Евгений. – Вот еще, барыня какая!

Он прижал ее к себе и крепко держал ее руки, чтобы она не вырвалась.

– Я закричу! – пригрозила девушка.

– Кричи, – равнодушно заметил он. – Вот интересно, что скажет маменька, если я заявлю, что ты, кузина, приставала ко мне?

– Я? К тебе? Вот негодяй! – в душе Лиза даже восхитилась подобной наглостью.

– А ну-ка... – Евгений вдруг наклонился к ней и поцеловал в губы.

– Ты!... – каким-то неведомым образом ей удалось вывернуться, но он как клещами вцепился в нее. – Вот гадость-то! – от негодования голос Лизы возвысился и моло-

дой человек, который вовсе не был так бесстрашен, как хотел перед нею казаться, и не желал выказывать себя перед собственной матерью, отпустил девушку, боясь, что на ее возглас все сбегутся.

Лиза, не медля ни секунды, бросилась прочь. Она успокоилась только тогда, когда накрепко заперлась у себя в комнате.

– Ненавижу... – шептала она. – Ненавижу...

Лето уже подходило к концу, как вдруг пришло сообщение, что старая графиня Елизавета Петровна Протасова скончалась.

Завещание! Его ждали, слушание его предвкушали, о нем говорили с нетерпением и жадностью в княжеском семействе. Это было даже неприлично! Семейство оделось в траур. Все в округе знали, что князя Вяземские понесли тяжелую утрату и все с упоением гадали, каков размер наследства, оставленного им графиней Протасовой. Княжеская фамилия с печальными лицами была у обедни, в полнейшем молчании вкушала пищу три раза в день и вырядила в черное платье всю домашнюю прислугу. Наконец, с нарочным пришло известие о том, со дня на день следует ждать стряпчего и управляющего брата покойной графини – Петра Петровича Воейкова. Оба должностных лица придут в К., чтобы ознакомить заинтересованных лиц с условиями завещания Елизаветы Петровны.

В один из первых дней ноября стряпчий Фома Лукич Сдобов и сопровождавший его Сергей Николаевич Алексеев, управляющий Воейковых, тихо прибыли в К. и расположились на постоялом дворе в Ямской слободе, что спускалась по холмистому берегу вниз к реке. Отсюда до княжеского дома пешком было около получаса ходьбы в гору, если идти довольно быстро. Поэтому приезжие решили не брать экипажа, а пешком отправиться к месту назначения, предварительно уведомив князя о своем прибытии.

Княжеское семейство расположилось в парадной гостиной, по случаю траура задрапированной черными и лиловыми тканями. Глава семейства, князь Александр Петрович, с невозмутимым и слегка отрешенным видом сидел в креслах. Подле него расположилась княгиня Ксения Григорьевна. Вокруг расселись их дети, все в черном. Девицы чинно сложили руки на коленях. Подле Анны сидел ее жених господин Афанасьев и держал невесту за руку. Как лицо прямо заинтересованное, он в последние дни старался не покидать свою будущую родню на долгий срок. Конечно, свой куш – и довольно солидный – он уже получил. Но ничто не мешало ему надеяться на то, что старая графиня отпишет Анне еще некоторую часть своего состояния. Евгений, с лицом равнодушным и скучающим, сидел близ матери, Юлия – у окна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.